

НАТАЛЬЯ
КОСТИНА

НАТАЛЬЯ
КОСТИНА

Больше, чем одиночество

*Больше, чем
одиночество*

Разные люди, но такие похожие проблемы, такое странное соединение судеб. Жизненные пути героев этой книги переплетаются, образуя замысловатую сеть... Паутину, сотканную из поступков, слов и встреч...

Белка и Таня, две подруги-студентки, влюбляются в одного парня — программиста Никиту. Когда после экзамена Белка мчится на первую встречу с возлюбленным, она попадает в аварию. Тем временем подруга встречается с Никитой и влюбляет его в себя... Девушка в больнице пытается пережить предательство, ей помогает соседка по палате. Белка не в силах сдерживать эмоции. Она, кажется, способна убить Таню. Правда, только на бумаге. И это полностью изменит ее жизнь...

Случайностей не бывает, и пусть на первый взгляд то, что происходит, кажется невыносимым, наступает момент, когда мы благодарим судьбу за чудесное стечение обстоятельств, подарившее нам счастливое будущее...

Не искушая больше судьбу, я затолкала зачетку в сумку. В моей душе били литавры, радостно свистела флейта, издавал победный рев геликон — словом, исполняли увертюру к опере под названием «Конец сессии — ура каникулам!». И, самое главное — сегодня меня ждал Никита! Вчера вечером, повинувшись какому-то непонятному порыву, я назначила-таки ему свидание! И сегодня мы договорились встретиться!

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3850-3

9 786171 238503

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

*Больше, чем
одиночество*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
К72

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Анна Демидова

ISBN 978-617-12-3850-3

- © Костина-Кассанелли Н., 2017
- © Depositphotos / Remains, обложка 2017
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Всем уходящим в Сеть, как в море, посвящается

Сеть — приспособление для ловли рыб, птиц и т. п., состоящее из перекрещивающихся нитей, закрепленных на равных промежутках узлами.

Сеть — множество переплетенных, скрещенных линий.

Толкование слова по словарю Ожегова

Сеть — олицетворяет ловушку, затруднительное положение.

Словарь символов

Социальная сеть (от англ. *social networking servis*) — платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений.

Линия 1

Я райская адская
В смысле донецкая гадская
Выдающаяся рассказчица
Чисто сестра Стругацкая

*Елена Фанайлова.
Балтийский дневник*

«привет. это я»

Я смотрю на экран, смотрю не мигая, до рези в глазах... напротив твоей фотографии светится зеленая точка... почему ты не отвечаешь? Ты же здесь, в Сети... от нее невозможно скрыться, ее нельзя обмануть... по крайней мере я так думаю. С кем ты разговариваешь? Ярлык «только что» сменяется на «одну минуту назад», потом «две минуты»... а я все смотрю, как будто ты можешь почувствовать этот мой взгляд... Полчаса спустя я отрываюсь наконец от этого бесполезного занятия и переключаюсь на работу... но не могу сосредоточиться... я снова и снова открываю проклятый сайт знакомств в надежде увидеть: «вам сообщение»... Наконец, ближе к полуночи, вдруг вываливается сразу пять сообщений. У меня дрожат руки, прерывается дыхание, а сердце длинно падает... падает... но это все не от тебя. «Давай займемся сексом по скайпу». Щас, разбежалась!.. Год назад смачно послала бы этого гамадрила, а сейчас ничего не отвечаю... нужен ты мне... со своей захлавленной комнатой и мамашей за картонной стенкой рядом, которая только уснула, сварив тебе борщ и накрутив котлет на неделю. А ты, недоносок,жимаешь «копировать» и рассылаешь это сообщение всем подряд... авось какая-нибудь дурочка попадет... Ты будешь драть потными руками, а потом вырубиться в своей конуре, полной омерзительного запаха

спермы, грязных носков, бутылок из-под пива и табачного перегара. «Ты действительно такая прикольная, как на фотке?» Критически смотрю на свою аватарку. Хочется ответить, что не люблю глупых вопросов, но тут меня пробивает. Пишу: «На самом деле я негр-гомосек восьмидесяти пяти лет». И чувствую хоть какое-то удовлетворение. Остальное все стандартное, все неважное... просто рассылка спама. Я ничего не отвечаю... да и что на это ответить? «Спасибо, мне ничего не требуется»? Как говорится, вопрос риторический... Я по умолчанию не хочу ни мебели на заказ, ни эротического белья, ни массажей, ни горящих путевок... сейчас я желаю только одного — чтобы ты нашелся. Но тебя нет. И, значит, нужно выключить этот проклятый комп и лечь спать наконец... и я снова ничего не сделала. Курсовая гирей висит на моей совести... но я не могу ее написать. Потому что сижу и сижу в Сети: безо всякой цели... хожу по ссылкам, читаю новости, в которых нет ничего нового, просматриваю бесконечное количество демотиваторов, где-то даже хихикаю... но всем этим я занимаюсь только затем, чтобы еще потянуть время... вдруг ты объявишься? Ты мне нужен. Нет, даже так: ты мне необходим!.. куда ты пропал?

Хлопает дверь, в комнату вваливается моя соседка, тетка и почти подружка, Танька.

— Привет, Белка! Че не спим?

— Тебя жду...

Это неправда, и мы обе это знаем, но ей приятно.

— Жрать хочешь?

Хороший вопрос — и я тут же вспоминаю, что не ела с утра. Жидкий чай с булкой на завтрак... нет, между парами еще перекусывала — ходила на угол за пирожками. Внезапно чувствую, что хочу есть жутко, просто зверски.

— Чайник поставь, — бросает Танька, стаскивая боты на таких каблучищах, что каждый раз, когда она надевает эти штуки, я боюсь, что придется ехать за ней в травматологию.

Однако она ни разу даже не падала... в отличие от меня, которая ходит исключительно в тяжелых говнодавах и все равно умудряется цепляться локтями, биться коленями... а каблук мне вообще противопоказаны, хотя даже у меня

имеются шузы на высоченных стилетах. Для «представительства и оболщения». Это не я так выражаюсь. Это классика. По-моему, Ильф и Петров. Однако когда я выходила последний раз в этих пыточных штуках, то умудрилась застрять в решетке метро. Ощущение было такое, как будто меня резко дернули за ногу. Разумеется, я рухнула в затоптанном переходе, а нелюбопытный и неотзывчивый пипл обтекал мое распростертое тело, как река огибает остров: мало ли, вдруг пьяная, еще блеванет... Я тогда хорошо приложилась. Ссадины заживали недели три, не говоря о том, что пришлось выбросить колготки, перчатки и сменить разбитый вдребезги экран мобильного. Словом, мадемуазель получила от пикника удовольствие...

— Один лось в ресторан водил, — поясняет подруга, доставая из объемистой сумки пластиковый контейнер.

В нем салат и немалый шмат мяса с аппетитными отметинами от гриля. Оливки, просвечивающие сквозь майонезное месиво, заставляют меня проглотить слюну.

У Таньки полным-полно ухажеров, она легко идет на контакт, но свидания назначает исключительно в точках питания. Говорит, так сразу видно, кто есть ху. Именно с ее подачи я и застряла на этом проклятом сайте знакомств... куча грязи, пошлости — ну кто ходит на эти сайты? Искать там что-то стоящее — пустое времяпрепровождение, но... меня частенько затягивают словесные игры — и здесь полно мастеров в них играть. Хотя в данном конкретном случае мне действительно стоило послушаться Татьяну, у которой большой опыт подобного общения, и не принимать ничего всерьез... Пройтись, как она выражается, людей посмотреть, себя показать и получить от этого максимум пользы и кайфа. А если ни пользы, ни удовольствий не предвидится — посылать сразу и далеко. Сама она именно так и делает, отправляясь на очередное randevu... а я не могу. Посему и торчу здесь, в нашей комнатухе, просиживая зад у экрана, со всех сторон заваленного книгами, чашками и прочим житейским хламом, который с благословения Сети плодится и размножается вокруг компа со скоростью деления простейших организмов.

Почти каждый день кто-то что-то и мне предлагает, но... Того, кто был бы мне действительно интересен, до сих пор не находилось, а сексуально озабоченные, которых на любом сайте или форуме пруд пруди, меня не интересуют. Ужинать же, а потом крутить динамо, как май френд Татьяна, я не умею. Танюха, не стесняясь, сразу ставит все точки над ё, излагая претенденту прямо в глаза, чего он от нее ждет после приема пищи и почему она этого делать не будет. Действует безотказно, сама видела. Однако по инерции все равно ведут и кормят... наверное, думают, что когда девушка откушает, а особенно выпьет, то подобреет. Эта мысль так меня веселит, что я фыркаю, потягиваюсь и вопросительно смотрю на Таньку, ожидая комментариев.

— Ну, сегодня не газ-квас. — Соседка небрежно кидает куртку на вешалку и морщит свой красивой формы небольшой носик. — Но все равно, отсидели по полной, раз уж я осчастливила это чучело и приперлась!

— Что за чел? — для порядка интересуюсь я.

— А! — машет рукой Танька. — Одноразовый, как пластиковый шприц! Можно было, конечно, как говорится, уколоться и забыться, но не с этим. Потому как ну полный ацтой! Сели, еще не пожрали, а это быдло детектед сразу взяло мне двести бабоукладчика... но ты ж меня знаешь... — Она аккуратно пристроила свои чумовые боты в угол и быстро и сноровисто переоделась.

Да уж... Моя тетка — девушка крепкого здоровья. Она способна выпить не то что шампанское с коньяком, а денатурат со скипидаром, и попробовать свалить ее с ног с помощью алкоголя — работа зряшная... и прямой путь в черный список.

— Ну, в конце концов пришлось его послать. Вали в Баабруйск, животное! Употребила гуманитарную помощь и ушла. — Соседка машет рукой с устрашающими когтями. — Когда сваливала, сказала, что у меня собака, и попросила завернуть чего осталось, — хихикает она.

— Малыш, ну чем я хуже собаки? — я цитирую Карлсона и с треском раздираю коробку.

— Белка, ты хоть хлеба купила? — интересуется моя благодетельница.

Черт, про хлеб я, разумеется, забыла! Конечно, все это можно съесть и без него, но так хочется макать кусочки в подливку... Я сглатываю фонтанирующую из слюнных желез жидкость и смотрю виноватыми глазами.

— Кажись, девки еще не спят... — Танюха прислушивается к звукам, доносящимся от соседей. — Пойду выклянчу кусочек.

Без каблуков и боевой раскраски она сразу становится небольшого роста и домашнего вида. Когда она уходит, я машинально беру зеркало и с сомнением смотрю на свое лицо. У меня слишком усредненная внешность: ищущему неземной красоты или нестандарта не за что зацепиться. Глаза карие, волосы темные... сама себе я кажусь какой-то однотонной. Не то что Танька: к длинным локонам блондинки у нее прилагаются яркие зеленые глаза, а губы, которые можно было бы оставить как есть, она щедро красит помадой всех цветов радуги. В ее арсенале есть даже черная. У меня же незатейливая короткая стрижка и ногти тоже короткие. Ненавижу этот писк моды — акриловые ногти! Они омерзительно клацают по клавиатуре, и потом, свои собственные имеют неприятную особенность отрастать... и ты получаешься привязанной к этим штукам и должна ходить в салон наращивать их все снова и снова. Ловушка для дурочек, в которую хоть раз, да попадаешь.

Честно говоря, у меня еще и деньги кончаются как-то удивительно быстро. И если я не напишу эту проклятую курсовую и не сдам ее через неделю, у меня будут все шансы завалить сессию и я не получу стипендию — а это совсем плохо. Разумеется, мне присылают дензнаки из дома — иначе как бы я жила на одну стипендию? Однако каждый раз, получая перевод, мне кажется, будто я обкрадываю собственных родителей. Моя мать — учитель, а отец — инженер на шахте, которую вот-вот прикроют, потому как там слишком часто стали случаться аварии. И вместо того, чтобы подкопить на случай, если кому-то из них придется сидеть без работы или, еще того хуже... нет, не хочу даже думать о таком — тем более отец не часто спускается под землю. Да, конечно, они экономят на всем, чтобы присылать деньги мне. А ведь дома еще и бабка старенькая... В прошлый раз, когда я приезжала на каникулы, она отдала мне

свои «похоронные». С каждой пенсии бабуленция откладывала сотню-другую, потому что все они — старики — обеспокоены тем, что их не на что будет хоронить. Как будто, когда умираешь, тебе уже не все равно... Но, разумеется, я не стала говорить ей об этом. У нас в городе для студентов, наезжающих на каникулы, никакой работы нет, поэтому я безвылазно сидела в родной хрущевке, отъедалась и отсыпалась недели три, к великой радости бабани. А потом Танька вызвала меня обратно. Она нашла место официантки в кафе на пляже, и в этой забегаловке нужна была еще одна. На прощанье бабуля отдала мне свои сбережения и велела купить приличной одежды. Приличной — это значит теплой и длинной. Потому что когда я осчастливила всех своим приездом зимой, моя тощая задница то и дело вываливалась из джинсов, если я приседала или наклонялась подобрать с полу клубок. Бабаня только головой крутила — и заявила, что если я не потеряю штаны прямо на улице, то уж цистит заработаю точно. Она вообще слишком печется о моем здоровье и, пока я ошивалась дома, связала две пары теплых носков. Если бы она могла связать мне шубу, то, наверное, так и сделала. Однако она уже совсем старенькая, и носки — почти единственное, на что ее хватает. «Купи себе пальто, — велела она. — И костюм. И теплые сапоги, если хватит. Я пока хорошо себя чувствую». Хорошо себя чувствую — это был сильный коммент! У нее давление и еще куча всяких болячек, о которых даже думать не хочется.

Не нужно было брать эти деньги, но я взяла. Однако не стала покупать тряпки — тратиться на них просто смешно. Обычно я год ношу одни и те же джинсы, и зимой, и летом. Только в теплое время мои штаны дополняют пара футболок, а в холода — такая же пара непритязательных свитеров. Честно говоря, мне плевать на моду. Мои убитые ботинки Танька презрительно называет «бациллами», а если нам бывает нужно куда-то выйти вдвоем, это неизменно повергает ее в печаль. Она говорит, что вполне себе симпатичная бейба не должна выглядеть как Катя Пушкарева, и начинает лихорадочно рыться в моих тряпках, пытаясь выудить прикид, более соответствующий случаю, но, как правило, кроме нескольких потерян-

ных фенечек ничего не находит. У нее самой роскошный гардероб, пополняющийся после каждого визита к перенсам. У Танюхи в столице мать с отчимом и отдельно живущий отец, в котором моя подружка старательно поддерживает комплекс вины: он ушел из дому, когда ей было лет десять, и с тех пор она выжимает из него все, что может. Хотя ее нельзя назвать слишком уж циничной — она только продукт своего времени, впрочем, как и я сама.

Разумеется, вместо тряпок я купила себе ноутбук. Не слишком навороченный, но мне хватает. Танька просто выпала в осадок, когда увидела его у нас в комнате. До этого у нас стояли две старинные пэкашки: одну списали на кафедре очередного подружкиного бойфренда — за нее, Танька, разумеется, честно отработала, потому как железяка была весьма поюзанной с виду, но тянула еще будь здоров. На ней легко можно было мастерить и монтаж, и озвучку. Вторую, считавшуюся моей и совсем убитую, прежний хозяин просто поленился снести на помойку. Сей старинный артефакт, который сложно было использовать даже в качестве пишущей машинки, мы получили в наследство вместе с комнатой, на третьем курсе. Тогда же мы и стали жить вместе. До этого я обреталась в старом корпусе, в комнате на пять коек. Здесь же площадь была всего на двоих, да еще имелся общий санузел, рассчитанный только на нас с Татьяной и двух соседок. Короче, не жизнь, а сказка.

— На, — моя кормилица брякнула на стол половину батона. — Питайся. А то на тебя уже смотреть страшно... чисто глody кактусовая!

Я худая от природы. У меня тонкая кость, и поэтому когда в запале творчества я забываю поесть несколько дней подряд, то становлюсь совсем тощей. К тому же природа не наградила меня ничем выдающимся ни спереди, ни сзади, не то что Татьяна — той отсыпали щедрой рукой. Все это, вкупе с замечательной общительностью, немало способствует тому, что Танюха везде нарасхват — на любой тусе она в числе самых заметных. Так же легко на ее прелести ловятся желающие поиметь молодую, красивую и наивную дурочку, под которую она косит в Сети. Они-то и водят ее в рестораны. Прежде чем

раскрыть свое истинное лицо прагматичной и неглупой особи женского пола, она успевает поесть, потанцевать, а иногда даже раскрутить ухажера на такси. Некоторым из них Танька в обличье прожженной стервы так нравится, что они готовы пойти за ней на край света, но... На моей памяти она еще ни разу не сказала: знаешь, Белка, а вот это — мое... Может быть, она боится долговременных отношений, но скорее, к выбору партнера действительно нужно подходить серьезно. Хотя, если уж говорить начистоту, сама я почему-то не могу устраивать такие смотрины. Причина первая и основная: я люто ненавижу общепит, пустые терки и людей, от которых хочется сбежать не через полчаса, а сразу же. Поэтому бóльшую часть свободных вечеров я просиживаю дома. Ну и, конечно, во-вторых: учеба дается мне далеко не так легко, как соседке, — Танька ваяет свои курсухи на одном дыхании, да и вообще не тратит много времени на занятия. Я же обычно переделываю все по многу раз... хотя добиваться совершенства в проходной работе — все равно что стрелять из пушки по комарам. Мои бессмертные опусы никто толком и читать-то не будет, да этого и не нужно... мировой кинематограф не собирается снимать по ним блокбастеры. Я учусь на сценарном, а моя соседка — будущий журналист-телевизионщик. Для непосвященных это звучит весьма престижно и завлекательно, а на самом деле мы, выпускники «кулька», осядем в какой-нибудь заштатной газетенке, да и то в лучшем случае. Хотя я и не на контракте, как Татьяна, а умудрилась поступить на одно из трех бюджетных мест потока, я не питаю относительно своей персоны никаких иллюзий. Стихи и рассказы — это, конечно, хорошо... и на фиг никому не нужно. А стряпать женские романы с обилием огромных фаллосов и крутых бедер, а также сценарии к мыльным операм... Конечно, можно морщить нос, как будто от этого занятия воняет помойкой, но на самом деле мы все только и мечтаем о таком шансе! О больших тиражах и нормальных деньгах, которые не заканчивались бы в первые три дня после получения. Однако попасть в обойму тех, кто лепит постельные и прочие страсти-мордасти, совсем непросто. Я уже раз двадцать посылала свои бессмертные творения в редакции, начиная

с центральных и заканчивая совсем захудалыми, и на всякие конкурсы, но пока мне нигде не обломилось ничего крупнее почетного третьего места и подписки на журнальчик, который помер недоношенным, не дожив и до полугода. И, хотя моя зачетка буквально пухнет от отличных оценок, максимум, что мне светит после получения диплома, — кропать сценарии утренников для детских садов своей шахтерской родины.

А теперь, ко всем своим недостаткам, я, кажется, еще и влюбилась. Именно поэтому я до сих пор тарашусь в экран... хотя даже не видела героя своих грез живьем. Вполне возможно, за его обаятельными вихрами и живыми глазами прячется какой-нибудь выпендрожник-баунти... или такой же антистиллер, как и я сама. Впрочем, последнее меня пугает меньше всего. Хуже, если это просто клубень, переписывавшийся со мной по случаю затяжного гриппа, а теперь вернувшийся к своему обычному тусовочному образу жизни... да и вообще, наверное, пора бросить все это. Даже если этот чел реальнее всех живых, у меня нет шансов... со мной никогда не знакомятся на улице, от моделей у меня только рост и немереная худоба, а вот выглядеть и одеваться клубнично, как соседка, я не буду никогда. В мою пользу только то, что я умею общаться... к сожалению, почти всегда на уровне компа. Когда кто-то разговаривает со мной, так сказать, вживую, меня клинит... я мямлю или несу ахинею, а потом грызу себя, что могла бы... могла бы... ну почему я такая?!

— Ну что, захомячила? Свет гасим?

Танька надела свою смешную пижаму с медведями и заплела косу, отчего сразу стала похожа на пятнадцатилетнюю девчушку. А я, оказывается, до сих пор сижу перед экраном и машинально доела все, что было в коробке. И хлеб схарчила тоже. И так задумалась, что не заметила, как вымакала подливу... и оливки проглотила... и не почувствовала вкуса! Конечно, нужно ложиться спать... Не знаю, как Таньке, но мне завтра на первую пару... хотя можно и не ходить. Наверное, я так и сделаю. Препод не троллит нас и не пишет докладные о прогульщиках в деканат. И нужно наконец сделать эту чертову курсовую — или хотя бы начать...

Линия 2

Вы ведь обожаете такие вещи. Обожаете, когда вам щечкочут сердечко, хлебом вас не корми — дай почитать про многообещающие свидания и про мужчин — разумеется, неженатых и не вполне счастливых в личной жизни.

*Анна Гавальда. Мне бы хотелось,
чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал*

— Ты куда?

— Не спится что-то... пойду валерьянки выпью...

Муж грузно поворачивается на другой бок, а я нашариваю тапки, тихонько прикрываю дверь и, стараясь не хлопать каблуками по лестнице, по-мышинному пробираюсь в кухню. На всякий случай я не включаю люстру — огромная стеклянная стена кухни полукругом выходит в сад, а оттуда свет легко можно заметить через такие же, сплошь стеклянные от пола до потолка, окна второго этажа. Идиотская планировка — помимо того что свет мешает спать, зимой у нас вечно холодно, а летом, если не включать на полную мощность систему кондеров, — нестерпимо жарко, словно в огромной оранжерее. Но мужу нравится — современно, модно, красиво — и не так, как у всех. Конечно, это не он стоит у плиты в самое пекло!

С ночного неба на меня равнодушно взирает тусклый обломок луны. Толку от его присутствия никакого; я распахиваю дверцу микроволновки, при свете ее лампочки достаю из заранее оставленного здесь портфеля ноутбук и нетерпеливо втыкаю его в розетку. Мои руки дрожат. Я целый вечер притворялась такой, какой была последние десять лет нашего брака: уравновешенной, спокойной и рассудительной. То есть вполне неживой.

«привет, зайка. где ты была? уже вечность тебя жду»

Пальцы бегают по клавишам почти так же быстро, как произносятся слова:

«не могла вырваться»

«ты сейчас где?»

«дома»

«на кухне?»

«откуда ты знаешь?»

«я про тебя все знаю. тяжелый был день?»

«так себе»

«давай я тебя обниму»

Мои щеки вспыхивают, а губы расплываются в улыбке.

«ну обними», — разрешаю я.

Меня уже сто лет никто не обнимал. Не обнимал так, как я этого хочу. Оказывается, я еще умею хотеть. Возможно, я даже мечтать не разучилась? Когда-то мы с Сашкой... А что мы с Сашкой? Сашка плюс Наташка равняется... Ничему это уже не равняется. Наши отношения скатились к нулю. Мы делаем вид, что у нас все путем, ходим вместе в гости, совершаем общепринятые ритуальные танцы: улыбки, проходы под ручку и синхронные демонстрации «а у нас с Наташкой до сих пор любовь». Однако на самом деле... Нашему браку недавно стукнуло двадцать. Это человек в двадцать молод и полон сил, а браки, они как домашние животные: редко какое дотягивает до такого преклонного возраста. И, как двадцатилетняя псина, наша личная жизнь не прыгает, не скачет и не бросается с визгом встречать хозяина с работы, а, отвернув морду в сторону, тихо лежит на своей подстилке. Все давным-давно превратилось в рутину. Поэтому, когда руки мужа касаются меня, я ничего не чувствую. То есть осязание у меня работает. Как и все остальные органы чувств. Но и только. Я ем, говорю, хожу, смотрю... слушаю музыку в машине и на работе — даже иногда подпеваю... Болтаю по телефону, сплю... Я, по всей видимости, живая. Однако я не живу. Я просто существую. Функционирую. Как не новый, но вполне исправный механизм. Старый телевизор, например. С утра я отправляюсь на службу, потом возвращаюсь домой и занимаюсь тем, чего все от меня ждут: готовлю еду, обсуждаю новости или просто валяюсь на диване, собирая пасьянс. Однако в последнее время я стала задумываться: что, собственно, происходит с людьми после двадцати лет брака? И не просто брака, а удачного брака! Когда твоя жизнь и твой муж, несмотря на выросший живот и поредевшие волосы на голове, — все еще предметы зависти подруг? У вас, что называется, все люксы: новый дом, две машины, маленький, но вполне процветающий бизнес и даже сын вроде не оболтус. И муж на пару секунд

довольно нежно обнимает тебя после того, как вы только что занимались сексом. Именно сексом, а не любовью — потому что невозможно называть любовью ЭТО действие: безвкусные поцелуи и унылые двухминутные дежурные кульбиты под одеялом раз в неделю... или раз в две недели? Оказывается, я уже и не помню... но, в общем, где-то так. Нет, я вовсе не требую, чтобы Сашка устраивал мне кинематографические прелюдии с цветами, шампанским и лепестками роз на простынях, но... наша личная жизнь все сильнее и сильнее отдает суррогатом. Дешевыми блинчиками, которые, как утверждает реклама, нужно только разогреть. А мы даже и не разогреваемся... к чему? Он и так знает, что у него все получится, а я... Мне кажется, уже все равно — потому что так же, как и эти грошовые кулинарные изделия, наши поцелуи и секс отдают дешевым эрзацем. У всего этого привкус бумаги и вываренного белья... Утешаться тем, что у других и этого нет? Слабый аргумент. У меня две близкие подружки — и обе не замужем. От них свои ночные отношения на сайте знакомств я скрываю даже тщательнее, чем от мужа. В самом деле, сказали бы они, какого рожна мне не хватает?!

«а теперь я тебя поцелую»

«нет»

«почему нет? ты не любишь целоваться?»

Обычно мои собеседники ограничивались двумя-тремя дежурными фразами и наш диалог быстро иссякал, но с Юрием я общаюсь уже неделю. Честно говоря, я влезла сюда лишь из любопытства... Или все же от гложащего дурацкого чувства, что в моей жизни что-то идет не так? Но я не думала докатиться до побегов из супружеской постели и ночных посиделок в кухне, чтобы неизвестно кто виртуально целовал меня... Почему неизвестно кто? Потому что пока мы ни разу не виделись вживую. И я не горю желанием это сделать. Подумав, я пишу:

«я люблю целоваться»

«я так и думал)))))) ты не похожа на холодную женщину»

Я вообще уже ни на что не похожа. Мне сорок пять. Несмотря на обилие модной и дорогой одежды, у меня морщины, складки на животе, бока как у коровы и покрашенная седина. Но на фотографии я вроде еще ничего... правда, это фото пятилетней дав-

ности. И ко мне вполне применим анекдот: возраст женщины можно определить по тому, в чем она больше нравится мужчинам: в туфлях, платье и очках или только в очках и туфлях... и свое платье я снимаю, отвернувшись от зеркала. Я пробовала сидеть на диетах, но ни одна на меня не действует. В лучшем случае я ничего не набираю, а в худшем... все равно вес потихоньку прибавляется, и при этом мне постоянно жестоко хочется жрать, плюс бесплатный бонус — плохое настроение. Я знаю, что и нынешняя ситуация выглядит совершенно по-дурацки: я сижу в халате и тапочках в темноте, спрятавшись за холодильником, и пишу глупости неизвестно кому, но... мне нравится это делать! Нравится, черт возьми! Я хочу писать все это и получать в ответ:

«я тихонько подхожу сзади и целую тебя в шейку»

Я вздрагиваю и воровато выглядываю из своего убежища. В доме по-прежнему тихо — наверху спит муж, а в самой дальней комнате — сын. Внезапно я задумываюсь над тем, что у моих незамужних подруг, которых я жалела именно по причине неустроенной личной жизни, всегда были романы. В то время когда я спокойно мыла посуду, пекла пироги и пылесосила, они с горящими глазами бегали на свидания, плакали, смеялись... целовались на холодных скамейках в парках... пусть даже и в чужих замусоренных подъездах, словно малолетки! Ну а что же делала я? Влачила полусонное существование, которое гордо именовала «у меня все удалось»? И что, интересно, у меня особенного «удалось»? У меня лично? Дом в престижном поселке в пригороде? Так он принадлежит не мне, а мужу — и это действительно так, я лично не вложила в него ни копейки и ни на что не претендую. Это он заработал на участок и этот дурацкий модернистский особняк, вкалывая по шестнадцать часов в сутки в своей деревообрабатывающей мастерской наравне с нанятыми работягами, и даже больше. Потому что если бы мы продолжали жить на две чахлые бюджетные зарплаты, то до сих пор ютились бы в доставшейся нам от Сашкиных родителей, а тем — в подарок от Хрущева конуре, выстроенной еще в те доисторические времена, когда легендарный генсек сеял кукурузу от Москвы до самых до окраин и грозил штиблетом капиталистам.

Теперь мы тоже вроде капиталистов: у нас двухэтажный дом — это не считая огромного гаража и кучи подсобных помещений в цоколе, и у каждого — по машине. Если честно, моя мне на фиг не нужна — я боялась ее водить, но Сашка настоял. Это же так шикарно — подарить своей жене машину... особенно новую. Зачем? А чтоб была! И пусть она большую часть времени стоит в гараже, потому что я все-таки опасаясь перемещаться по городу в этой громоздкой и совсем не женской штуке и выезжаю в лучшем случае в ближайший магазин, а на работу добираюсь на маршрутке или же он сам меня подвозит, — однако факт наличия двух авто приятно греет Сашкино эго. Иногда мне кажется, что эти проклятые железяки, громоздящиеся в гараже, как два бегемота, он как раз и любит... они вполне успешно заменили ему меня. Ладно, с нашим материальным положением все ясно — это заслуга мужа. А вот сыном я действительно могу гордиться по праву — Сашке заниматься его воспитанием было некогда. Заколачивать деньгу — непросто... но кто скажет, что легче вырастить нормального ребенка? Пусть даже и одного? Наше чадо не шляется, не колетя, и пока никто — тьфу, тьфу, тьфу! — от него не залетел. Учится на бюджете, что сейчас редкость...

«дай мне свои губы»

«нет!»

Я снова озираюсь и краснею так, что даже становится жарко. Я понимаю, что это — большей частью игра, но...

«:-)) ты меня боишься?»

«я никого не боюсь»

«тогда почему?»

У меня наворачиваются слезы. Я хочу сказать, что я старая, толстая и скоро перейду в разряд бабушек... но вместо этого пишу:

«я замужем»

Очень умно — отгородиться тем, что давно сквозит сплошными дырами!

«я понимаю. не бойся. я не из тех, кто разрушает. я просто буду рядом, хорошо?»

Вот теперь я плачу. Я не хочу плакать вот так — ночью, на кухне, когда нельзя даже включить свет и достать пузырек с валерьянкой из аптечки... потому что в темноте непременно что-то грохнется об пол... на нем сразу все бьется вдребезги, на нашем замечательном плиточном полу с подогревом. Сашка всю душу вложил в этот стеклянно-каменный дворец... а на меня у него уже ничего не осталось. Или же я сама в этом повинна? Но я знаю, что моей вины здесь нет... я старалась... соответствовала... терпела... подавляла в себе все инстинкты... не позволяла даже невинного флирта... да, наверное, все-таки это я во всем виновата! Если б я хоть раз реализовала упущенные когда-то возможности, то сейчас у меня был бы иммунитет. И к реальным, и к виртуальным поцелуям. Но я, дура, гордилась такой правильной и чистой собой... и чем это закончилось? Я старалась быть во всем и всегда идеалом, а оказалась у разбитого корыта. Развалившегося оттого, что я слишком много времени уделяла семье... готовила... убирала... Вылизывала каждый уголок... воспитывала ребенка сама, не доверяя бабушкам, няням и всяким малограмотным воспитательницам. И, вместо того чтобы, как подруги, уделять больше внимания своей личной жизни и внешности, я играла с сыном в развивающие игры, а потом проходила с ним заново почти всю школьную программу. И я ни о чем не жалею... или же все-таки жалею?

Я знаю, что завтра утром у меня будут заплывшие глаза, омерзительные мешки под ними и набрякшие веки... но мне уже все равно... все равно! И я плачу... реву отчаянно... слезы капают на халат и в вырез, где под ночной рубашкой находится все, что уже не соблазняет мужа, когда мы занимаемся любовью... нет — какой там любовью! Просто спариваемся, как животные... или, как говорит моя подруга, проводим постельный тренинг для здоровья — и в темноте. Конечно, зачем ему нужна моя грудь — она уже изрядно провисла; или трехъярусный живот, которого я стесняюсь даже в собственном саду и стараюсь прикрыть футболкой. Они не могут конкурировать с блестящей «тойотой», которую он так любовно оглаживает тряпочкой, что даже смотреть не хочется! Мне кажется, если бы

еда и чистые рубашки появлялись в нашем доме каким-то волшебным образом, никто бы и не заметил моего отсутствия... я им не нужна... ни Сашке, ни даже сыну... давно не нужна...

Мои слезы из сладких, любовных давно стали горькими... ядовитыми... они словно прожигают дорожки на коже. Я судорожно запахиваю ворот и уже откровенно рыдаю... не забываясь о том, чтобы никого не разбудить. И мне плевать, что сцена появившемуся зрителю покажется очень странной: почему я так горестно плачу здесь, в углу, ночью, с ноутбуком, на темной кухне? Но никто не приходит, никто не задает никаких вопросов. Никто не утешает. А я действительно нуждаюсь в утешении! У меня такое чувство, что только помани... только пообещай мне настоящее, и я сорвусь. Я могла бы выйти из дому, поймать машину и поехать... или даже пойти пешком к этому самому Юре... и пусть бы все случилось прямо сейчас! Однако он, скорее всего, врет, что одинок. Он сам сидит с компом на кухне, а за панельной перегородкой спит жена. Такая же точно, как я. Или даже хуже. Толстая баба с небритыми подмышками и отвисшими щеками, постаревшая раньше времени от базаров, аборт, стирок и огородов, которые все почему-то гордо именуют дачами... Она храпит, как уработавшаяся за день коняга, а он сидит и пишет... «давай я тебя обниму»! И, скорее всего, я у него не одна такая дурища... Я утираюсь поднятым с пола и давным-давно завалившимся в этот угол кухонным полотенцем, отвратительно пахнущим прогорклым маслом, и, мысленно схватив себя, идиотку, за шиворот, выхожу из Сети. Я не прощаюсь. Мне так больно, что я даю себе слово — завтра меня здесь не будет.

Завтра наступило. Оно было точным повторением вчера — за исключением лишь того, что я не плакала. И, когда прощались, написала «целую».

Линия 1

«привет. это я»

Я тяну лыбу до самых ушей... я даже чувствую, как уголки губ встречаются у меня на затылке. Кто сказал, что понедель-

ник — день тяжелый? У меня выдалась такая неделька, что мама не горюй! А теперь, когда я уже немного успокоилась, ты вдруг нашелся! В ответ на несколько робких улыбок «)))» я набираю не попадающими в клавиши пальцами этот волшебный пароль:

«привет. это я».

Хорошо, что в этот момент ты меня не видишь...

«ты улыбаешься?»

Еще как улыбаюсь!!! Мне хочется орать, выть, визжать, прыгать по комнате, целоваться с Танькой... слава богу, ее нет, а то моя соседка подумала бы, что у меня напрочь снесло шифер!

«ты не сердись?»

Конечно, я сержусь. Разумеется! Всю неделю меня так корежило... Было все — от ярости, когда хотелось рвать подушку зубами, до тихо-дебильного, безразличного ко всему пофигизма. Но в данный момент я улыбаюсь блаженной улыбкой — так, наверное, улыбаются ангелы в небе, видя, как внизу их подопечный ребенок послушно доедает кашу. Вообще со мной сейчас творится что-то непонятное — кажется, ко всему прочему я еще и расплачусь прямо здесь, сейчас... перед сияющим молочным светом экраном... Пока я сижу в своей блаженной прострации, появляется еще несколько фраз:

«уезжал»

«там не было сети»

«почему ты молчишь?»

Разве существует сейчас место на Земле, где нет Сети? Но я молчу не оттого, что не знаю, как ответить... А потому, что мне хочется спросить тебя обо всем сразу... но я никогда так не делаю... может быть, просто не умею?

«тебе со мной неинтересно?»

«нет»

Такой ответ вдруг перестает меня устраивать, ведь ты можешь истолковать его, как заблагорассудится, поэтому я быстро спрашиваю:

«что ты любишь в жизни больше всего?»

Я понимаю, что это банальность, но, по-видимому, это как-то цепляет тебя, потому что ты довольно долго думаешь,

а потом выдаешь огромный список... Я читаю, и меня распирает всю, наполняет каким-то веселящим газом, и я становлюсь как воздушный шар, которому пора в небо. Воздушный шар, наполненный теплом... какой-нибудь исполинский медведь-панда или корзина цветов — я просто ощущаю себя громадой, рвущейся с поводка. Я видела такие шары как-то по телику. Там были даже шары в виде автомобилей или огромных банок колы... но я уж точно не банка с колой — какая пошлость! — нет, я все-таки панда... Наверное, потому что я всегда такая — черно-белая: незагорелая кожа, черные очки на бледном, совсем без косметики лице, а когда я снимаю очки, под ними такие же зеркально-черные глаза... и темные волосы... и черный свитер... Я перестаю тарашиться на себя в ночное окно, и мой взгляд упирается в середину списка: «...читать книги...» Странно: кто в наше время любит читать книги, кроме меня и?..

«какие книги?» — нетерпеливо справляюсь я.

«любимые. я их перечитываю по многу раз»

Ну, это правильное решение. Я сама перечитываю свои любимые, старые бумажные книжки постоянно... жаль, что таскать их с собой с места на место так тяжело... когда появятся лишние пенензы, я куплю читалку... это так приятно — носить в рюкзаке всю районную библиотеку... весь мудрый мир, надежно упакованный в системе один-ноль, как доходчиво объяснил мне когда-то знакомый программист.

«а сегодня что читал?»

«Маркеса. “Сто лет одиночества”»

Этого не может быть!.. Я скашиваю глаза на старенького темно-синего Маркеса, книгу, которая принадлежала еще родителям, прежде чем стала моей. Я тоже сегодня ее читала... я всегда хватаюсь за нее, как за спасательный круг, когда мне плохо... или слишком хорошо. Поэтому я знаю ее почти наизусть.

«а что ты делал там, где нет сети?»

«бабушку друга хоронил. это далеко, и надо было помочь»

Так... все понятно... напрасно я задала этот вопрос. Мне немного стыдно... и что говорят в таких случаях?

Літературно-художнє видання

КОСТИНА Наталя
Більше, ніж самотність
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Редактор *К. О. Єрохін*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 11.08.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 15,96. Наклад 11 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

КОСТИНА Наталья
Больше, чем одиночество
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *К. А. Ерохин*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

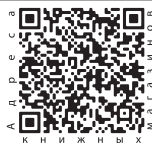
Подписано в печать 11.08.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 15,96. Тираж 11 000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Білка і Таня, дві подруги-студентки, закохуються в одного хлопця — програміста Микиту. Коли після іспиту Білка мчить на першу зустріч із коханим, вона потрапляє в аварію. Тим часом подруга зустрічається з Микитой і закохує його в себе... Дівчина в лікарні намагається впоратися зі зрадою. Їй допомагає сусідка по пататі, яка пережила подібну ситуацію. Білка не в силах стримати емоції. Вона, здається, здатна вбити Таню. Щоправда, тільки на папері. І це повністю змінить її життя...

Костина Н.

К72 Больше, чем одиночество : роман / Наталья Костина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 304 с.

ISBN 978-617-12-3850-3

Белка и Таня, две подруги-студентки, влюбляются в одного парня — программиста Никиту. Когда после экзамена Белка мчится на первую встречу с возлюбленным, она попадает в аварию. Тем временем подруга встречается с Никитой и влюбляет его в себя... Девушка в больнице пытается справиться с предательством. Ей помогает соседка по палате, которая пережила похожую ситуацию. Белка не в силах сдерживать эмоции. Она, кажется, способна убить Таню. Правда, только на бумаге. И это полностью изменит ее жизнь...

УДК 821.161.1(477)